Глава 18.

Зачем всё это?

Она, такая лёгкая, сияющая, выпорхнула из душа. Улыбнулась мужу. Как хорошо, после двух недель поездки отдохнуть, помыться горячей водой, завалиться на огромную постель... Завтра второй заход, а потом — домой... «Как там мой сынок?» - с грустной нежностью подумала она.

Он, открыв ноутбук, рассеянно бродил по страницам интернета. Завтра, снова в поход - эта мысль радовала его больше, чем уют гостиничного номера.

- Оль, сделай кофе, попросил он её, мельком глянув, как она, завернувшись в белое полотенце, стала переодеваться.
 - Сейчас, отозвалась жена, а ты пока зайди в мою почту и проверь её.
 - Да кому ты там нужна, хмыкнул он и стал вбивать пароль.

Ольге Сергеевне очень нравилась её работа. Это была мечта: экспедиции, заграница. Правда реализовать её сразу не удалось: закончив ВУЗ, пришлось уйти в декрет, потому что родился сын... Потом, пока сын маленький, а бабушек и дедушек у них не было – какая уж тут работа... Лишь, когда он пошёл в школу, ей удалось написать и защитить диссертацию по необычной, новой теме. Получилось выпустить несколько статей, в том числе и на английском языке. После чего ей пришло приглашение работать по контракту. Муж, тем временем, писал докторскую. Его пригласили тоже. Нравилось решительно всё: экспедиции, интересное направление работы, страна, куда им предстоит ехать, зарплата, позволяющая не перебиваться и постоянно думать, как съэкономить здесь, а питаться нормально, и даже, может быть, расширить свою квартиру или подумать о покупке машины ... Но всё упиралось в сына. Его нельзя было брать с собой: у него не было визы, не разрешали брать в экспедицию до достижения определенного возраста... Чужая страна, чужие нравы. Насмотревшись, как легко отбирают здесь детей у родителей органы опеки, как отдают их в другие семьи, лишая родителей даже возможности регулярно видеться, она решила, что ребенку будет лучше в своей стране. Даже в интернате, тем более, что тот по отзывам был хорошим, с музыкальным уклоном... Они могли приезжать к нему раз в полтора - два месяца, зарплата позволяла им такие частые поездки... Через несколько лет

сын будет поступать в институт, а ведь для этого тоже нужны деньги, их копеек не хватит ни на обучение, ни на то, чтобы снять ему комнату, ни даже на то, чтобы первые несколько лет финансово помогать ему...

С грустью приняли они такое решение. Тоска по ребенку порой заглушала желание работать, хотелось бросить всё, взять его подмышку и уехать домой... Письма доходили редко, купили сыну мобильный телефон, чтобы можно было слышать родной голос. Правда, в поездках иногда не было связи, поэтому не всегда можно было поддерживать общение... В интернате сын подрос, похудел, стал совсем тихий, синие глаза стали печальными, но это всё, что можно было увидеть — во время встреч с родителями он смеялся, сиял, а сквозь грусть, в глазах мелькали весёлые искорки. Несколько раз он просился с ними. А они с отцом не могли определиться, поразмыслив, решили подождать до двенадцати лет, а потом поговорить с руководителем. Быть может, он и разрешит иногда брать его с собой в поездки...

«Что-то давно его не было слышно, - подумала Оля, помешивая маленькой ложечкой закипавший кофе, - хотя, может быть, у нас не работал телефон...» Завтра утром она сама позвонит, ох как же не терпится услышать родной голосок, узнать, как у него дела...

- Оля, пойди сюда, каким-то непонятным голосом отозвался супруг, Оля!
- Иду, отозвалась она. Что такое?
- Оль, что-то непонятное... Читай. Он указал ей на белеющее письмо.

Она пробежала глазами мелкий шрифт. Потом села. Прочла ещё раз. Что это?

«Уважаемые Ольга Сергеевна и Борис Андреевич! Сообщаю вам, что ваш сын, Ветерков Антон, двадцать шестого мая этого года покинул интернат и исчез в неизвестном направлении. С того числа никаких сведений о нём не поступало. Дозвониться до вас не было возможности, так как в личном деле мальчика не было ваших мобильных номеров. Очень надеюсь выйти с вами на контакт для того, чтобы найти вашего сына. С уважением, Карандашин Валерий Алексеевич, мой адрес и контактные данные указаны ниже...»

- Борь, а какое сегодня число? потускневшим голосом спросила она.
- Первое, ответил муж. Закрыл лицо руками.

Минут пять стояла тишина. Потом Оля почувствовала запах гари, вскочила, машинально сняла с плиты сгоревший кофе... Вернулась в комнату, села.

- Боря, позвала она мужа. Тот откинулся на стул, посмотрел мимо неё. Потом проговорил неохотно:
- Я завтра поеду за билетами. Ты поедешь в экспедицию, а я в интернат. Я договорюсь обо всем.
 - Боря, нет! воскликнула она. Я поеду с тобой!
- Оль, дело нужно закончить. Так нельзя. Оттого, поедешь ли ты или нет, Антон быстрее не найдется.
 - Но я не смогу ничего делать! Я не смогу работать! У меня все мысли о нём!
 - Оль, а что ты сможешь делать там? тихо спросил муж. Ты пойдешь его искать?

Она молчала. Она знала, что в России неделя поиска пропавшего человека звучит так же, как и слова, что его уже нет в живых. Фразы – синонимы...

- Что же мы с тобой наделали! – горько сказала она.

Муж молчал. Недолго. Хмурил брови, думая, сказать или лучше не стоит.

- Помнишь, у нас же была идея, чтобы ты съездила с Тошкой домой, а я поработал? Что ты мне тогда сказала?
 - Я сказала, что я подумаю.
 - Ну вот...
 - Ты что, забыл, что не хватало человека? Что мне ещё звонили и просили остаться?

Он снова замолчал. Не к чему сейчас нелепые ссоры. Тем более, что виноваты оба...

Она восприняла это как обиду на неё. Как в такие моменты можно ругаться? Молча ушла на кухню. Стала оттирать чёрную плиту от мерзкого кофе, слёзы капали и серыми лужицами растекались по этой черноте. Плита не отмывалась. Она бросила губку и стала вытирать мокрое лицо. Почувствовала, как мужские руки обняли её за плечи. Серый голос мужа:

- Оль, он найдется. Оля, слышишь?
- Боря... Что же мы с тобой наделали...

Он всегда мечтал о сыне. О том, как будет гонять с ним футбол, по выходным ездить на рыбалку, рубиться на компьютере в «гоночки». Учить его водить машину... Просто болтать рядом... Но всё получилось по другому. Выходные были вечно заняты — из-за подработки. Компьютер продали, когда зимой ему урезали зарплату. Машина была несбыточной мечтой... А сын подрастал и просто говорить «обо всём на свете» становилось труднее... Как будто вырастала между ними тоненькая стеклянная стенка. Он надеялся, что через год можно будет брать с собой сына в поездки, и вот тогда всё изменится... А пока успокаивал себя тем, что он его хорошо одевает, покупает игрушки по его просьбе: и телефон, и цифровой фотоаппарат, и ещё... И ещё копит для его будущего, чтобы тот мог получить нормальное образование. «Какого будущего? — вспыхнуло в голове, - Если, может быть, сына уже нет в живых... Увижу ли я его вообще?.. Зачем тогда всё это?».

Супруга озвучила тоскливые мысли:

- Какие же мы с тобой дураки...

Больше за этот вечер она не произнесла ни слова. Только два раза «да»: один раз, когда он спросил, не позвонить ли сейчас этому Валерию, и второй раз, когда он сказал, что она поедет сразу домой после поездки. Оле было теперь всё равно...

Борис набрал номер Валерия. Длинные унылые гудки. «Позвоню ещё через час...»

Стемнело. Телефон молчал. Супруга спала, или думала о чем-то: она лежала, уткнувшись в подушку, и не шевелилась. Борис сидел на кровати, обхватив голову руками. Горькие мысли не давали ему заснуть. Мысли о том, что делать сейчас, как действовать, мешались с чувством непоправимой вины. Ведь ещё месяц назад всё можно было бы исправить! Почему, почему он не заметил, что мальчику плохо в интернате? Почему сам не спросил его? Почему не обратил внимания на полный печали и надежды вопрос: «Папа, а ты возьмешь меня с собой в следующий раз?».

Ночь опускалась на чужой город. Тихий, спокойный, маленький, такой, где всё делается для людей, но не родной! А там, в его стране, остался один его пацаненок... Где он? Жив

ли? Что с ним? «Интересно, а здесь сбегают дети из интерната? И пропадают вот так, без вести?» ...

В темноте тоскливые мысли были более отчетливыми. «Скорее бы завтра...Приехать, узнать хоть что-нибудь!» Он включил интернет. Перечитал ещё раз письмо Валерия. Ни слова, ни намёка... Как так, не записаны телефоны в личном деле! Они же говорили директору, жена ещё написала их на бумаге...

Всё, что произошло, казалось таким неправдоподобным, ну не может такого быть! «Не может... - горько сказал он себе, - а ты что, раньше не слышал, что дети сбегают из детских домов и пропадают в бездне общества?» Как - то раньше его это не особо тревожило... Да мало ли детей на свете... К тому же он был уверен, что в таких заведениях о детях заботятся... Кормят, одевают их, развивают их... «Значит не все так радужно, как хотелось бы...Нет чего-то главного...Чего? Чего не хватает им?»

Тошка... Значит что-то его тревожило там? Или он тосковал сильно? Он не заметил этого: ни в письмах, ни в телефонных разговорах Антон не говорил, что его там обижают...

Проснулась Оля. Села на кровати, уставилась на горящий в темноте экран монитора. Бесцветным голосом спросила:

- Борь, я одного только не пойму... Почему? Почему такое случилось у нас? Почему именно наш мальчик сбежал?

Он пожал плечами.

- Боря, но ведь по нему не было заметно, что ему там плохо!
- Оля, я тоже не заметил... Раз так случилось значит, было?
- Или он очень скучал по нам?.. Странно, а я ведь и раньше видела в сети сообщения о пропавших детях, но не придавала этому значения...
 - Оль, а что ты вообще замечаешь? Что? напряжённо спросил Борис.
- Ты чего? Чего цепляешься ко мне? возмутилась жена.
- Вот вчера, например, твоя коллега повредила ногу ты заметила? Ты предложила помощь?

- Нет. Она не сказала мне ничего...
- А вот недавно, наш руководитель группы рассказывал про то, что он не хотел ехать в экспедицию, потому что после развода начал пить, ты знала это?
 - Нет. И что? Знаешь, мне бы за собой смотреть научиться...
 - Ну вот...
- Ой, да отстань ты от меня! Что мне до каждого должно быть дело?— она уже сдерживала раздражение.
- До каждого не должно... Просто где-то рядом с тобой сейчас умирает человек, а ты не знаешь.
 - Да, не знаю. Я не могу всё знать.
 - Но ты ведь и не хочешь, так? спросил он тихо.

Она опустила голову.

- Может и не хочу... Какая разница?
- Ты знаешь, что если узнаешь, то нужно будет помочь. А ты не хочешь. Поэтому предпочитаешь не знать. И спать спокойно в своей постели.
 - Но Боря... Все так делают...
- У всех не пропадают дети, сказал он глухо.

Наступило молчание. В темноте ночи равнодушно светил монитор. Борис кивнул на него:

- А ему всё равно, понимаешь! Сколько ты сидишь в интернете? Сколько ты тратишь туда своих сил? А на что?
 - Боря, я же должна когда-нибудь отдыхать!
- Ты должна, но ему-то всё равно... А твоих сил не остается на то, чтобы помочь... На то, чтоб с сыном лишний раз поговорить...

- Зачем ты упрекаешь меня? она уже плакала. А ты сам там меньше времени проводишь?
- Оль, знаешь, так непонятно... У нас есть интернет: жмёшь кнопку и через секунду тебе пишут с другого конца мира... У нас есть мобильники в любую минуту ты можешь услышать голос близкого человека... У нас есть самолеты, экспрессы в любое время, в любую страну или город... Но мы несчастны... Вот почему так?

Она молчала.

- И ведь знаешь, мы всё меньше знаем друг о друге. Мы ничего не знаем о своих близких! Вспомни, как ты рассказывала, что, когда ты училась, то виделась с подругой раз в год! Хотя вы жили в одном городе... Странно, что с ростом таких вот технических достижений мы всё меньше общаемся... И всё больше спешим... Не оглядываясь назад... Зачем?
- Борь, ты ведь сам знаешь, зачем. Ты не от хорошей жизни выбрал эту работу. Вспомни, какие копейки мы зарабатывали... Как, бывало, каждый день ели макароны с тушёнкой!
- Оль, ты знаешь... сказал он через силу. Я сейчас отдал бы все деньги, чтобы увидеть своего сына живым... и замолчал.

Она тоже молчала, кусая губы. Что тут скажешь? Она думала о том же...

Глава 19.

Теряясь в неизвестности.

Рано утром Борис выходил из здания московского аэропорта.

Россия...Родной воздух, родные пробки, родные утренние толпы в метро, раздраженные взгляды, тяжёлый воздух грязных переходов... Сгорбленные бабушки с картонками «Помогите...». Суета вокзалов... Бесконечные очереди в пригородных кассах... Солидные мужчины и весёлые студенты, прыгающие с платформы и карабкающиеся по заборам... Невыветриваемый запах курева в вагонах... Удивительно вежливые люди, которым не страшны ни очереди, ни задержки электричек, ни ужасные давки в метро... И лето, такое родное, пыльное, зелёное московское лето...

... Сегодня, лишь только синий рассвет забрезжил над крышами небольших домиков, он, собрав свой нехитрый чемодан, поехал сначала будить руководителя экспедиции. Удивительно, но тот понял без лишних слов. Кивнул «Раз так случилось... Хорошо, что жена остаётся... Удачи...». Оттуда — в аэропорт. Билеты были. Правда только на утренний рейс, поэтому заехать в гостиницу и попрощаться с женой он не успел... Отправил ей письмо в нескольких сообщениях и решил, что позвонит позже.

Усевшись в электричку, стал смотреть в окно. Ехать ещё целых три часа... Что его ждёт? Как искать Тошку? Вряд ли он что-нибудь узнает в интернате. Но в том городе есть Валерий, который сообщил ему о побеге сына. Раз он заинтересован помочь... Нужно позвонить ему, пока есть время, вчера так и не удалось дозвониться...

Так же, как и вчера, в трубке холодным равнодушием отзывались длинные гудки... «Ну и ладно, он ведь оставил адрес... Зайду к нему домой». Электричка медленно двинулась. Боря бесстрастно смотрел в окно и перед глазами его стояли такие родные, любимые образы: жена... Сын... И они сейчас так далеко... И он, зачем он здесь? Зачем вообще всё это?

«Где ты, сын?» - вопрос без ответа. Кто даст ему это ответ? Большая страна, и в ней гдето один его мальчишка... «А ведь не один! - с ужасом подумал он, - Их тысячи... Одиноких, брошенных, голодных, замерзающих от голода... Их тысячи в нашей большой и сильной стране...»

В сердце крохотным огоньком тлела надежда. И это маленькое пламя холодил страх разума. И пока они боролись, эмоции молчали...

... Сашка торопился домой. Русский он сдал на пятёрку! Это было удивительно, потому как с запятыми у него были вечные проблемы, и он не надеялся даже на «четыре». А тут, ну повезло, одним словом! Вот он обрадует маму!... Ой, какой же сегодня замечательный день! И Сурков не приставал ни к нему, ни к новенькой девчонке. Выходит — не зря был вчерашний разговор... Не зря он задержался вчера! А эта девочка, такая славная оказалась. Как она ему сегодня подсказывала шёпотом... Да и вообще, он недавно видел у неё в портфеле небольшой альбом, может быть, она тоже рисует? Поговорить бы с ней...

Правда в следующий раз они увидятся только через неделю – остался последний экзамен по математике. Ну и ладно, он подойдёт, спросит чего-нибудь. Точилку, например, попросит. Или угостит шоколадкой... Надо у папы спросить, как знакомятся с девочками...

Ох! Шурка с досады хлопнул себя по лбу: ведь папа же уехал! Ночью, сорвался, после неизвестного звонка... Хотя говорил, что уедет утром.

Шурка вспомнил, как вчера, услышав про Антона, он за ужином забросал папу вопросами: «Где он? Что с ним? Кто видел его?». А бедный папа быстро поглощал еду, ничего не отвечая. А потом сказал:

- Санёк, я ничего не знаю. Мне сегодня позвонил Коля Синицын, мой бывший одноклассник. В их лесу, рядом с городом кто-то застрелил лесника.....Но он не умер, его успели спасти. Какой-то мальчишка позвонил с его телефона Синицыну, сказал, что лесник ранен, просил приехать.
- Что за мальчишка? с замирающим сердцем спросил Саша.
- Я не понял. Коля успел внимательно рассмотреть его, говорит, светленький такой, курносый, глаза голубые, тощий, в синей толстовке, штанах и босой. Что его и смутило, потому что он не видел, чтобы сейчас ребята ходили босыми. И вид у него был какой-то измученный.
- Пап, но Антон был в футболке и кроссовках. И в чёрных брюках.
- Да знаю я, сынок, ты рассказывал мне уже... Но ведь он мог переодеться... Понимаешь, Коля мне звонил по другому делу, потом вот рассказал про лесника, про мальчишек.
 - Про каких мальчишек?
 - С тем парнем был ещё один, помладше, очень похожий на него.
 - Пап, ну это ведь точно не Тошка... Это, наверное, местные ребята.
- Санёк, я не уверен. Что-то здесь не так. Обычные ребята не стали бы так вдруг исчезать...

Сашка недоуменно смотрел на папу. Вопросов становилось всё больше.

- Коля позвал друзей, с которыми приехал по звонку. Они стали поднимать раненого товарища, понесли к машине, потом один из них спросил: «а мальчишка-то где?». А мальчишки нет. Ни одного, ни второго...
 - Что-то тут не так, нахмурился Саша.
 - Вот и я говорю. Съезжу я всё-таки. Может, и узнаю чего...
 - А когда вернёшься?
 - Не знаю, Сашка... Я позвоню...

А утром мама, провожая его в школу, сказала, что папа уже уехал. Ночью позвонили и он, после телефонного разговора, решил ехать сразу, толком не объяснив ничего...

Сейчас мамы дома не было. На кухне Сашка увидел беленький листок: «Сынок, я ушла в магазин, разогрей котлеты из холодильника и суп на плите. Скоро буду. Если задержусь — позвоню. Мама». Он вздохнул, улыбнулся: мама! Какое же это всё-таки счастье, что у него есть дом, и такая ласковая и заботливая мама...

Брякая посудой, он быстро поел, достал с полки книжку Рэя Брэдбери и забрался с ногами в кресло. Полистал, отыскивая недочитанную главу. И тут же забыл про время и пространство, вместе с автором отправившись в таинственный мир будущего...

Реальность напомнила о себе неожиданным звонком в дверь. Он сразу и не понял, что это. Лишь после второго звонка вскочил, подошёл к двери. «Кто бы это мог быть? У мамы есть ключи, если она их не берет, то звонит...». Он посмотрел в глазок: какой-то очень знакомый мужчина. Ой...

- Здравствуйте, Борис Андреевич!

Это же Тошкин папа! Сашка видел его несколько раз в интернате, когда они с его мамой приезжали к Антону. Иногда они все вместе ходили в кафе, ели мороженое... Только... Почему у него волосы стали такими белыми?

- Шурка? Здравствуй... удивился Борис. Ты чего здесь делаешь?
- Я тут живу, заулыбался Саша.
- Правда? А здесь живет Валерий Алексеевич Карандашин?

- Да. Это мой папа. Только он сейчас уехал... Да вы проходите, - волнуясь, пригласил он гостя.

- ... Валера спал на верхней полке скорого поезда. Как же хорошо отдыхать под ритмичную песню дороги! Особенно, если не высыпался ночами, то в поезде что ещё делать? Ехать бы так и ехать, и совсем не хочется просыпаться...
- Вы просили разбудить вас. Через час станция, потревожил его незнакомый женский голос. Валера открыл глаза и увидел проводницу.
 - Подъезжаем, повторила та.

Он глянул на часы. Без пяти одинадцать... Ого, надо же столько проспать! Неслыханная роскошь, надо идти быстрее умыться и выпить чаю, а то когда ещё доведётся позавтракать...

Валерий не выключал на ночь мобильник, потому что если дело было не закрыто, то в любой момент его могли вызвать. И не зря, как оказалось, не выключил: снова звонил Коля Синицын. В сонной тишине раздался знакомый молодой голос:

- Валера? Ты не спишь?
- Сплю, отозвался тот, что случилось?
- Тот мальчик, про которого я тебе рассказывал... Ты просил звонить, если что... Ты сказал, что парня, которого вы ищете, зовут Антоном?
 - Да. Почему вам не дали ориентировку?
 - Я же говорю тебе, что я в отпуске. Так вот, слушай. Понимаешь, он сейчас у нас.
 - Кто? Валера последним усилием прогнал остатки сна.
- Ну, тот парень, который вчера спас Толю, лесника. И его зовут Антоном. Он сейчас здесь.
 - Еду, коротко сказал Валерий, смотрите за ним.

Алина проснулась. Сонная, с распущенными волосами, мягкими колечками спускавшимися на грудь, она, не понимая, смотрела на него. От неё веяло уютом дома, теплом, чем-то добрым... Эх, а надо ехать...

- Опять? уют нарушила плохо скрываемая тревога в голосе.
- Алина, надо. Вдруг это Антон?

Она молчала. В молчании было понимание. В глазах не было обиды. Хорошая она у него всё-таки...

- Я позвоню. Сразу, как приеду и что-нибудь узнаю. Он уже обувался. Поцеловал жену,
- Сашке скажи, что я его люблю.
 - Удачи...

Как хорошо, что ночью ходят электрички! Через два с половиной часа он уже был на московском вокзале и брал билет на поезд, а ещё через час — лежал на верхней полке, вглядываясь в светлеющую ночную тьму. Усталость пересилила волнение, и вскоре он заснул.

Синицын жил на окраине примыкающего к городу посёлка. Автобусы туда ходили редко, поэтому Валера взял такси. Несколько минут – и вот он, дом, где жил его бывший одноклассник, сокурсник и просто хороший человек. Как же давно они с ним не виделись! Один раз, после аварии, тот навещал Валеру, а потом он закрутился в работе, что даже забывал позвонить другу. Пока вот, наконец, не нашелся повод...

Валерий обогнул щелястый забор, за которым виднелся небольшой аккуратный двухэтажный домик. Достал телефон, набрал номер. Приподнялся, посмотрел через забор: по тропинке знакомой походкой быстро шёл к нему человек...

- Колька!
- Валерка, друг! Сколько зим столько лет! Ну ты и быстро! Как ты?
- Нормально. Работаю, вот...
- Как, про сына что-нибудь узнал?
- Узнал? Я его нашёл!

- Правда?.. Видишь, я же говорил! Как ты его разыскал?
- Да вот, ходил по делу, искал другого мальчишку, а нашёл сына...
- Что за мальчишку? Пойдем в дом.
- Этого самого. Антона... Что тут у вас?
- У нас всякое... Валер, Синицын замедлил шаг. Виновато посмотрел на него. Валера заметил, что друг совсем не изменился. Только морщин стало больше, жестче стали острые скулы, твёрдо и без улыбки смотрели тёмные глаза, Валера, тот мальчик... Понимаешь, мои ребята уехали сдавать бандита. Я на минутку вышел...

Валерий выжидательно молчал. Сердце замерло в неясном предчувствии.

- Он пропал. Несколько часов назад...
- То есть как, пропал?
- Я же говорю... Заходи, я сейчас расскажу всё.

В кармане зазвонил мобильник. Сашка, он уже успел соскучиться?

- Подожди, Коля, - Валера снял трубку. - Алло. Да, Санёк?

Услышал в трубке взволнованный и теперь такой далекий голосок сына:

- Папа, тут приехал Антошкин отец. Что ему сказать?
- Ох... Скажи, пусть ждёт меня. Я сейчас перезвоню. Он опустил руки. Безнадежно посмотрел на Колю, Коль... Давай рассказывай.

Глава 20.

Стальной стерженёк.

Когда Антон приказал ему уходить, Славка, глотая слёзы, побежал к насыпи. Сердечко его словно разделилось на две половинки: одна из них твердила, что нельзя бросать своего друга, вторая – что сейчас нужно слушаться, что нужно спасать его. Страшно было в обоих случаях: там – жуткий человек, который хотел сделать с ним что-то нехорошее, он

был очень похож на тех двоих, которые увели его с вокзала прошлым летом. Здесь – страх потеряться, страх за Антона. Славка ничего не знал вокруг! Он шёл за Тошкой, а когда тебя кто-то ведет – это всё равно, что идти с закрытыми глазами... А сейчас куда теперь? Славка собрался с мыслями. Тошка говорил, что рядом город... Да, вот он: вдалеке виднелись редкие огни и белеющие в сумерках здания. Малыш глубоко вздохнул и побежал, пытаясь унять бешено колотившееся сердце.

... Он устал. Тяжело дыша, замедлил шаг. Нет, нельзя останавливаться, там Тошка, один! Осталось ещё немного, вон стоит двухэтажный дом, там светятся окна. Значит, там кто-то есть...

Славка, что есть мочи забарабанил кулачками в железную дверь и крикнул:

- Откройте!

Тишина. Не может быть, чтобы там никого не было, он видел в них свет. Он несколько раз стукнул ботинком по железной двери, снова крикнул...

Дверь отворилась, Славка поднял голову и увидел высокого мужчину. Так это же тот дядька, который приезжал сегодня за лесником! Вот это совпадение... Он тоже узнал Славку.

- Вот это да! Какая встреча! – громко удивился он.

Славка быстро сказал, пытаясь отдышаться между словами:

- Пожалуйста... Помогите!.. Там Антон остался один, в лесу... Там мужчина, у него пистолет... Он хотел убить нас, Тошка сказал мне бежать сюда... Он остался там...
 - Постой, нахмурился человек, присел перед ним, постой, я ничего не понимаю. Где?
- На краю леса, недалеко от железной дороги. Я покажу! Славка махнул рукой в темнеющее поле, и добавил умоляюще. Пожалуйста, поедемте! Он же убъет Антона...

Через минуту он уже сидел на переднем сиденье старенького УАЗика, мужчина кому-то крикнул и сел за руль. Подбежали ещё двое молодых ребят, сели в машину.

- Показывай, сказал он.
- Прямо. Он сказал, что выйдет к насыпи.

- Как выйдет?
- Они стали драться, я схватил пистолет. Отдал Антону. Антон сказал, что они пойдут к железной дороге. Но, может быть, и нет...

У мужчины за рулем затвердели скулы.

- Коля, куда сейчас? - спросил молодой парень сзади.

«Значит, его зовут Коля…». Скорее же… Славка не сводил глаз с поля, пристально вглядываясь во тьму.

- По ходу нашелся зверёк... Лишь бы успеть...- откликнутся Коля. На сегодня жертв достаточно...
- Стойте! закричал Славка: за белым кругом фар он разглядел две фигуры. Одну маленькую, упавшую, и ещё одну зловещую скрюченную тень, нависшую над ней. В уши врезался скрип тормозов. Фары осветили кожаную куртку, злое нечеловеческое лицо бандита, чернеющий в руке пистолет...
- Не-е-ет! Славка кубарем вывалился из машины, Антон, держись!

Он так и не понял до конца, что случилось. Он кинулся бандиту под ноги и оказался под его тяжелым телом. Грохнул выстрел... Шум отчаянной возни нескольких людей... Резкий вскрик хриплого голоса. Почувствовал, что человека подняли, вскочил. Увидел Колю, ещё двоих парней, прислонивших бандита к машине и выкручивающих из его рук пистолет. Тошку, неподвижно лежащего на земле в какой-то неестественной позе.

- Антон! – закричал Славка и подбежал к другу.

Тошка не отвечал. В свете фар его лицо казалось очень бледным и каким-то чужим. Потемневшие веснушки, сжатые губы...

- Тошка, - прошептал Славка. Опустившись на колени, беззвучно заплакал.

И не поднял головы, услышав сзади быстрые шаги и резкий голос Коли:

- Уберите его в машину. И сидите рядом. Я сейчас... Так... - он присел рядом со Славкой. – Неужели опоздали? – сказал он еле слышно.

Перевернул Антона на спину, ощупал его. Приложил ухо к груди. Славка неосознанно задержал дыхание в замершей тишине...

- Нет, живой. Вроде и не ранен... Значит не попал...- пробормотал Коля и подняв Антона, понес его к машине. Открыв дверцу, опустил его на переднее сиденье.
- Так, малыш, ты давай пристраивайся где-нибудь...

Славка сел рядом с Антоном. Машина неохотно поехала.

... От резкой боли в плече, Тошка открыл глаза. Моргнул: в туманном свете он увидел перед ним длинного мужчину в полосатом свитере, с чёрными взлохмаченными волосами. Так, где-то он уже видел этого человека... Моргнул ещё раз: расплывчатые очертания приняли отчетливые формы. И такой знакомый голос, окликнувший его по имени... Где бы он мог его слышать?.. Точно, в лесу!.. Лесник, Синицын.... А потом, что же было потом? Тошка с трудом пытался собраться с мыслями. Славка... Ой... Губы такие сухие, что не разлипаются...

- Славка, - тихо сказал Антон, - где Славка?

Губы человека дрогнули в несмелой улыбке. Напряжённое лицо смягчилось.

- Ну вот, живой значит... с облегчением сказал он.
- Где Славка? повторил Антон.
- Да здесь он, пельмени трескает. Слава, пойди сюда! крикнул он в приоткрытую дверь.

Вот он, малыш! Славка вбежал в комнату, остановился возле Антона. Прижался к нему. Неужели это правда он? Тошка обнял его. Ощутил, как вздрагивают закаменевшие плечики. Как по-родному сопит маленький нос, уткнувшейся в его плечо. Славка поднял голову и посмотрел на него. Серые глаза просто горели страхом, немой мольбой, несмелой радостью... На секунду всё вокруг снова стало расплывчатым. Тошка моргнул и почувствовал, как по горячим щекам потекли две капли. Хотел вытереть их правой рукой – не получилось, она почему-то очень болела. Вытер левой.

- Антон... - только и сказал Славка.

- Славка... Где мы? он перевел взгляд на Колю. Тот, насупившись, серьёзно и пристально смотрел на Антона.
 - Ну? наконец сказал он.
- Что ну? спросил Тошка и попытался сесть. Ого, как же кружится голова! Он откинулся назад хорошо, что сзади есть мягкая спинка...
 - Ну? спросил Коля, где болит?
 - Плечо болит, сказал Тошка, и горло...

Так, что же всё-таки вчера было? Что-то такое гадкое и страшное: так пусто внутри... Огни, долгая дорога, тяжесть в руке ... Воспоминания накрыли его холодным ужасом.

- Я его убил? спросил Антон, в упор глядя на Колю. Тот не отвёл взгляда карих глаз.
- Нет. Он чуть не убил тебя. Тебе повезло, парень! Если бы не твой брат... и кивнул на Славку. Ты хоть знаешь, кто это был?
 - Нет, честно сказал Антон, маньяк какой-то.
 - Да. И тебе повезло, что ты не знаешь, кто это.
 - А где он?
 - В милиции, где ему еще быть? Парни повезли...
 - Так, а что тогда было? говорить было ужасно больно. Антон сглотнул.
- Вот это я у тебя должен спросить, что вчера было? строго спросил Коля, и что вы делали в лесу одни?

Славка умоляюще посмотрел на Колю:

- Он ведь кушать хочет. Мы не ели со вчерашнего вечера. То есть я уже поел, а он ведь нет!
 - Пельмени будешь? спросил Синицын Антона.

Тошка кивнул. И добавил:

- И воды.

- Слава, сходи, принеси. На столе тарелка стоит.

Славка кивнул и умчался. Минуту спустя Тошка уже поглощал горячие, такие ароматные пельмени. Ох... Рука почему-то плохо работает, вот неудача.... Но это не помешало им быстро исчезнуть с тарелки. Тошка запил их горячим чёрным чаем. Какое же это блаженство! За что ему такое счастье?...

В голове прояснилось. Тошка молчал, ощущая, как вкусная еда изнутри греет засохший желудок. Посмотрел на Славку, не сводившего с него взгляда. Попытался улыбнуться ему. Малыш опустил голову, сел рядом, молча прижался к нему. И замер, часто дыша. Коля опустился рядом в кресло.

Только сейчас Тошка оглядел комнату: это была небольшая гостиная, с мягким ковром на полу, двумя креслами и большим книжным шкафом. На стене висел телевизор. За окном было темно. На потолке ярко горела люстра с пожелтевшими хрустальными шариками. Как-то не сочетались эти старинный шкаф и люстра с новеньким плазменным экраном и красивыми креслами. Где же он всё-таки? Тошка встретился глазами с Колей. И с вопросом, которого он очень хотел избежать.

- Ну? нарушил молчание мужчина.
- Спасибо... отозвался Антон.
- На здоровье. Рассказывать можешь?

Тошка пожал плечами. Смотря о чём... Нет, всё-таки он сначала обо всём расспросит Колю:

- А тот лесник, он выжил?

В тёмных сердитых глазах появились виноватые искры.

- Да. Он сейчас в больнице.

Тошка облегчённо вздохнул: будто опустился груз с души.

- Антон, спасибо тебе...
- За что?
- Что позвонил. Могли бы не успеть... Ну и денёк сегодня выдался...

Тошка промолчал: а что тут такого? Любой бы так сделал... - А вы кто? - Начальник уголовного отдела. Николай Синицын. Вот он попал! Из огня да в полымя... Хотя, в любом случае, это лучше... - Теперь ты скажи мне: что ты делал в лесу? - Гулял. - Ну-ну. Врать не стыдно? Тошка пожал плечами. - Я шёл в город. - Из леса? - Из леса. - Зачем? Антон замолчал. Отвёл глаза. Ну что ему сказать? Соврать? Человеку, который тебя спас? Сказать правду? И оказаться в интернате? Без Славки? Видимо Тошка долго молчал, потому что человек поднялся, не дождавшись ответа. Скрестив руки на груди, сказал неласково:

- Ладно, вижу, что ты не настроен сейчас разговаривать. Спите. Завтра приедет Валера, там и поговорим. Может, хоть он знает, кто ты и откуда...

И ушёл, выключив свет и плотно закрыв за собой дверь...

Антон лег. Славка пристроился рядом.

- Слава, тихо позвал его Тошка в темноте.
- Что? шёпотом отозвался малыш.
- Ничего... Ты прости меня, Славка!

Славка молча попыхтел.

- Антон, знаешь, как я боялся!
- Славка, ты герой! Как ты нашёл Колю?
- Никак. Я просто постучался в первую попавшуюся дверь.

«Крепкий стерженек, который называют характером. Ни согнуть, ни сломать... Сильный ты человек, Славка...» - подумал Антон.

- Славка, ты сам-то целый?
- Ну как видишь. Спать только хочу...
- Спи. Нет, постой! Что за Валера, ты не знаешь?
- Нет. Я слышал, он звонил ему, когда ты был без сознания. Коля спросил, как звали парня, которого он ищет. Сказал, что тебя зовут Антоном, и ты у него.
 - Понятно, помрачнел Антон. И замолчал, раздумывая, что делать.
 - Антон, снова зашептал Славик, я сейчас не могу идти.
 - Ясное дело. Я тоже.
 - Что мы будем делать?
- Я не знаю, Славка... Спи!

Что делать? Завтра приедет Валера, узнает его и заберет в интернат. И всё. Ни Славки рядом, ни мамы, ни папы. И снова тоска. В Тошке всё перевернулось при одной мысли об этом. Нет, надо ехать... До дома уже осталось не очень много. Если ехать на поезде, то часов пять или шесть. Пешком долго конечно... На пассажирском вряд ли получится, но можно постараться...Нет, лучше на попутных электричках... Как это говорят: «На собаках...». К тому времени, как он приедет, наверное, родители вернутся из поездки... «А если нет? То что тогда?!» – обожгло Антона страшной мыслью.

Он не знал. Мама раньше оставляла ключ соседке снизу, когда они уезжали на лето. Но прошёл год, а если той бабушки уже нет в живых? Ладно, попробуем... Тошке казалось, что не может с ним быть ничего плохого, там, где его дом. Тем более, что папа говорил, что они сначала приедут домой, а потом только к нему в интернат... Или один папа приедет, или мама...

Так значит его ищут вовсю... И будут искать...

Но сейчас он не может идти... И Славка, малыш намучался. Спит. Что же делать?

Он не знал, что делать. Сил думать уже не было, и он, закрыв глаза, уснул без снов.

...Серый рассвет пробивался сквозь занавески на окнах. Славка мирно спал, в любимой позе, поджав ноги и сложив ладошки под щеки. Хмурился о чем-то во сне. Под сбившейся майкой видны были засохшие царапины на животе. На худеньких ножках — несколько синяков. Такой маленький, беззащитный. Даже не верится, что вчера он стоял, сжимая пистолет и жёстким, совсем не детским голосом приказывал маньяку. И он, этот малыш, спас вчера Тошку...

Антон вздохнул: не поднималась рука у него будить малыша. Сел на кровати, прислушался. За дверью было тихо. Его синяя куртка аккуратно висела на спинке дивана. Антон взял её.

- Славка, - тихонько позвал он.

Малыш открыл глаза. Сразу. Испуганно посмотрел на него.

- Славка, пойдем.
- Aга...

Тошка встал на ноги. Ощутил в них неприятную слабость. Прислушался. Качнувшись, шагнул к окну. Потянул рукоятку. Рама тихонько скрипнула, Тошка замер. Тишина. Он потянул снова за ручку, и в грудь ударил свежий прохладный воздух. Сразу прибавилось сил.

Он взобрался на подоконник. Подал малышу руку. Славка, надев кроссовки, напоследок оглянулся. Опять они уходят... А ведь здесь, как ему показалось, такие хорошие люди...

Антон прыгнул, снял малыша с подоконника. Пятки отозвались запоздалой болью. Ну и пусть. Позади дома был щелястый забор. Без труда Антон нашёл в нем маленькую лазейку, просунул туда голову, нырнул, дождался малыша. И снова оказался в тревожном и жестоком мире.

Валера сумрачно смотрел на Колю. После того, что рассказал ему друг, на душе было тягостно. Чудом мальчишки остались живыми. А сейчас? Где их искать? Что с ними будет?

- Коль, зачем ты им сказал, что ты в милиции работаешь? Зачем сказал про меня?
- Валер, я не думал...
- Да иди ты со своей прямолинейностью!

Коля ещё в университете отличался таким вот мышлением и прямотой. За это на него обижались, за это ему верили, за это его побаивались, и поэтому у него было очень мало друзей. Да ещё в первые годы работы в милиции, дела бы у него шли лучше, будь в нём хоть немного гибкости и умения лишний раз промолчать... Хотя это не мешало быть ему честным и надёжным товарищем, каким он оставался и сейчас.

- Валера, давай будем искать, он не обиделся, понимаешь, я даже не мог подумать, что он сегодня рванёт куда-нибудь! Он вчера был еле живой...
 - Значит чего-то он боится. И куда-то очень торопится... Вот куда ему понадобилось?
- Как куда, удивился Коля, домой, конечно! У него же есть родители, так ведь только сейчас папка звонил! Знал бы я раньше это, так сказал бы, что отец едет к нему.
- Да кто же знал, что он приедет! Отец позвонил мне только сегодня! Он был за границей!
- А ты ему не мог раньше позвонить?
- Да нет же, не мог! с досадой сказал Валерий. Телефонов его родителей нет! Я нашёл только электронную почту, а они ведь в поездках, где интернет не везде есть...
 - Тю, как несерьезно всё, вздохнул Коля.
- Несерьезно. Совсем. И вот так в нашей стране исчезают дети. Валерия осенило грустной догадкой, ну вот, не сбеги он сейчас, уже сегодня завтра был бы со своим папкой! А сейчас, что с ним будет? Ещё и пацана какого-то с собой тащит...

- Вот пацан мелкий вообще загадка. Ничего мне вчера не рассказал. Валер, этот парень
- кремень. Ты видишь, какой он настырный. Он доедет...
 - Ага, доедет... хмуро сказал Валера, свалится где-нибудь...
- Ну... Звони отцу, пусть приезжает сюда. Давай-ка покажи мне на карте, город, где находится его дом... Только ты уверен, что это точно тот Антон?
 - Это ты уверен? Посмотри фотографию.

С минуту Синицын внимательно изучал портрет. Потом сказал коротко:

- Он.

Глава 21.

И снова – дороги.

За окном моросил дождик, мелкими брызгами оседая на пыльное стекло электрички. Тошка прислонился спиной к стеклу, усевшись с ногами на сидение. Славка пристроился рядом и грыз кукурузные палочки из большой пачки. Дорога укачивала. Тошка прикрыл глаза.

Народу было немного. На соседнем сиденье расположились трое мужиков, положив на колени сумки, достали несколько пластиковых стаканов, маленькую бутылку, копченую колбаску, кальмаров и о чем-то бурно разговаривали. «Видать, праздник у них, - подумал Антон. – Ну и хорошо. По крайней мере, не будут приставать...

- Малой, откуда едешь? спросил Славку один из них.
- С отдыха, сказал Славка.

Мужики заржали.

- А чего такой тощий? Мне бы такой отдых, а то я на отдыхе только пузо отращиваю! Славка сердито замолчал, нахмурив светленькие брови.
- Обиделся... Не сердись... Колбаски будешь? спросил другой мужик.

Славка посмотрел на Антона. «Как хочешь» - глазами ответил Тошка. Малыш кивнул.

Мужики занялись едой. Славка жевал колбасу, заедая её кукурузными палочками. Тошка снова закрыл глаза.

«Мама... Я так давно не видел тебя! Ты не отправишь меня обратно, мама? Я ведь не смогу там... Совсем... Мам, давай я лучше не буду просить у тебя больше телефон и игрушки... И книжки можно в библиотеке брать, чтобы не покупать... Давай я буду есть гречневую кашу, ну и что, что не люблю... Мам, только не отправляй меня обратно...»

А иначе, зачем всё это? Зачем он там, в интернате? Он ведь никому там не нужен. Ну и что, что там есть игрушки... Ну и что, что родители обещали свозить его на море... Никакое море не нужно, когда серыми осенними вечерами накрывает тебя тоска по дому, такая, что ты не можешь глубоко вздохнуть, что ты не можешь смеяться... И плакать тоже, потому что от этой горечи слёзы застывают в душе. А если добавить к этому постоянные унижения и невозможность побыть одному, хоть ненадолго отдохнуть от приставаний, от разговоров, от насмешек, просто сесть и помечтать, то...

Почему невозможно сделать так, чтобы не было в мире интернатов и детских домов, чтобы не было этих слёз безысходности? Этого отчаяния, когда в нём тебе становится «всё - всё равно», размывается граница законов и совершается преступление? Общество торопится, общество развивается и перешагивает через ребёнка. А ребёнок, подрастая, перешагивает через общество. Через его нормы. Через законы. Через мораль. Как с вершины - не видно грязи и не слышно людских криков во время пожаров и потопов, так и с вершины общества не видно всего ужаса «дна», куда спускается подросший детдомовец или беспризорник. Почему? Почему его тянет именно туда? Может быть, потому что чувства, выросшие внутри него, тождественны чувствам, которые наполняют это «дно»: боль, обида, борьба, подавление борьбы, отчуждение, и в результате — свёрнутая пружина ненависти. Или равнодушие. А может просто — нет смысла? Ведь он не нужен никому...

... А ведь есть те, кто вырастая без родителей - создает семьи, рождает детей, стараясь творить, а не разрушать. Но как тяжело такому человеку без добрых материнских наставлений, без ощущения «надёжного тыла», которое сопровождает ребёнка и укрепляет почву для последующей семейной жизни... Эти люди – крупинки золота, они,

словно ростки пробиваются через замерзшую почву людского равнодушия, стараясь творить добро обществу, которое некогда на них закрыло глаза.

« В мире столько людей не могут иметь ребенка, - думал Тошка, - и столько людей расстаются с детьми, отдавая их в интернаты или просто умирая... Почему те, кто не может иметь детей и хотят - не возьмут себе ребенка? Почему так сложно это сделать?».

Кажется, он однажды слышал почему. «Это чужие гены. И непонятно, что в них заложено. Лучше свой, родной...» - говорила как-то тётка продавщице в магазине. Антон вышел — не мог он этого слышать. Почему, когда мы молим о помощи, то мы не задумываемся о том, какие гены заложены в человеке, которого просим? Мы просто просим, потом благодарим. И не только ведь своего близкого, а друга, товарища, соседа, коллегу по работе. И пьем с ними вместе и доверяем сокровенные тайны, не интересуясь их родословной... А, выбирая себе мужа или жену — мы так ли досконально изучаем его род? Мы просто любим... А бывает, что мать выгоняет сына, или сын забывает мать, хотя ведь у них «родные гены...». Наоборот всё бывает: чужой человек не проходит мимо, поднимает замерзшего человека на улице и потом они становятся друзьями... Или просто благословляет своего спасителя...Сильно помогают они — эти гены?

«Братья и сестры» - Тошка вспомнил, как однажды довёлось ему попасть на проповедь в храме. И он тогда очень удивился. Как, все люди — это братья? Потом, как мама ему пояснила — это оказывается потому, что Бог — один Отец для всех людей. И поэтому мы братья и сестры...

«А вот, было бы здорово – если бы люди, которые хотели бы взять ребенка без родителей - брали бы его к себе на воспитание, и неважно сколько у них детей и сколько комнат в доме, страна бы им помогала... И чтобы было это без бумажек... Может быть тогда, хоть у немногих, появились бы родители?» И ещё нескольких человек удалось бы спасти от преступлений, от гибели, от бездны...

...А Славка? Куда его денешь? Примет ли мама Славку? Должна принять, Тошка не мог помыслить иного. Потому что без Славки – он не сможет жить. Всегда мечтал Антон о младшем братишке, чтобы поверять ему свои тайны, чтобы вот так вот просто сидеть вместе, чтобы можно было бы вместе играть, пускать в небо воздушных змеев, встречать его со школы, кататься на коньках... А вечером смотреть какой-нибудь интересный фильм, лопая мороженое или попкорн. Ну, или на крайний случай – сухарики...

Малыш задремал, устроившись на коленках у Антона. Пусть поспит. Станции объявлял машинист: громкоговоритель почему-то не работал. Антон прислушивался, но всё равно названия сложно было разобрать.

Вагон был практически пустым: большая часть людей вышла на крупных станциях. «Хорошо! – подумал Антон. - Только бы не пришли контролёры или милиция... Мы просто не будем ехать до конца, сойдем, дождемся другой электрички, или пройдем пешком...». Он тоже достал пачку палочек, стал жевать их.

... Когда они вышли из дома Синицына, Славка показал ему поле, откуда он прибежал и откуда его вчера привезли. Ну, а дальше стало примерно понятно, куда идти. Город ведь рядом. Правда, в городе они немного заблудились. Тошка волновался, Славка, глядя на него, тоже. Поплутав там и порядком продрогнув, они вышли к вокзалу. Купили в киоске еды: Антон, боясь снова остаться голодным, разменял оставшиеся деньги и взял несколько пачек кукурузных палочек, две плитки шоколада, несколько булочек, печенья и плавленого сыра. Роскошь, но что делать? И воды, две большие полуторалитровые бутылки. И ещё, увидев на прилавке всяких мелочей шлёпанцы, не задумываясь, подошёл, примерил и тоже купил их. Потому что босые ноги промокли, замёрзли, и с каждым шагом всё больше болели. Довольный, не обращая внимания на тяжёлый пакет, нашёл нужную электричку. Дождался, пока основная масса народа сядет, зашёл со Славкой в вагон, сел с краю... И расслабился.

... Если всё будет хорошо, то идти придется немного... Если им повезёт сесть в поезд... Только вот как? По пути будет крупный город, там останавливаются пассажирские поезда. А там ехать совсем чуть-чуть, там одна ветка и одно направление... Только вот как сесть незаметно? Получится ли? Идти очень не хочется, особенно после последних событий... Можно попробовать доехать в товарном поезде, но там всё сложнее – можно проехать станцию, они ведь идут практически без остановок...

Ох, сколько раз он рассматривал эту дорогу до дома! На уроках географии, на переменках изучал карту. Потом сфотографировал её себе на фотоаппарат и по вечерам внимательно рассматривал названия городов на маленьком цифровом экранчике. Жалко, что сейчас фотоаппарат не работает: вечных аккумуляторов ещё не придумали, да наверное, и не придумают никогда. А зарядку он, конечно же, не взял, а если бы и взял: то

где его заряжать? Приходится полностью полагаться на свою память, Антон надеялся, что она его не подведёт.

Хрипло ожил динамик. «Наша!» - Антон завозился, собрал бумажки и воду в пакет, стал тормошить Славку.

- Славка, вставай! Мы подъезжаем.
- Куда подъезжаем? К дому? удивился Славка. Сонные глаза его засветились недоверчивой радостью.
 - Нет, Славка, пока нет ещё. Мы сейчас попробуем сесть на поезд. Если всё получится...

Хоть бы всё получилось! Тошка посмотрел на небо, затянутое пасмурной пеленой облаков. За ними - солнце... И где-то там - Бог...

Электричка затормозила, мальчишки вскочили. Подбежали к дверям. Широкие платформы, пути, аккуратное двухэтажное здание вокзала с фигурной лепниной на окнах. Значит, всё правильно – большая станция...

Народ суетился, женский голос в репродукторе объявлял названия поездов. Вечная мелодия вокзалов. Звуки дороги...

Антон крепко держал Славку за руку.

- Смотри, не потеряйся опять! — шутливо пригрозил он и, увидев, как малыш побледнел, добавил, - не бойся, я с тобой!

Кассы, кассы... Очередь в кассы дальнего следования... Ряды скамеек заняты уставшими людьми: вот женщина успокаивает раскричавшихся детишек, вот молодой парень в очках что-то читает в ноутбуке; мужчина, положив под голову чёрную сумку, устроился на скамейках и спит; вот что-то возбужденно обсуждает молодая семья с малышом в рюкзачке на маме; пожилая женщина прижала к груди болонку с бантиком, девушка в наушниках листает журнал... Вечные клетчатые сумки. Запах шаурмы в буфетах, смешиваясь с запахом сигарет, поездов, людей, образует особый воздух вокзала: воздух бессонных ночей, ожидания, дремлющих полустанков, воздух радости встреч и грусти расставаний, - воздух дороги, которая порой так много значит в нашей жизни! Меняет судьбу человека, наполняет смыслом чью-то жизнь, разрушает отношения между людьми, создает новые... Знакомит людей, пересекает жизни противоречивых характеров...

Хочешь узнать страну – посмотри на вокзал обычного города – не столицы. Дорога, словно увеличительное стекло, собирает разных людей в одном месте и высвечивает их качества души по отдельности, соединяя их вместе в одном действии, образует нечто единое, многообразное, непохожее, но большое и сильное, то, что можно, наверное, назвать «душой народа»...

Тошка нашел табло с расписанием поездов. «Так, ого, как много поездов! Ну вот, ближайший будет в четыре пятьдесят... Пятый путь - пассажирский что ли? Ну и ладно... Попробуем прорваться.

Они нырнули в переход, не глядя по сторонам, добрались до нужного выхода. Поднялись на платформу. Вдоль грязно - зелёной цепи вагонов блуждали пассажиры: ктото с сумками, кто-то в старых трениках и шлёпанцах; кто-то зевал возле вагона, кто-то прощался.

- Мороженое, кричала продавщица с большими картонными сумками.
- Картошка горячая, пирожки, кричали бабушки кормилицы путешественников. Тошка не удержался, подошёл к одной из них.
 - Сколько стоит картошка?
- Семьдесят рублей маленькая, сто большая, ответила бабушка. Бери, сынок, пока горячая, только что из дома.

Антон молча протянул ей сторублевую купюру. Опустил картошку в пакет.

- Пирожков не хочешь?
- Нет, спасибо!
- Кушай на здоровье, ответила пожилая женщина и пошла дальше, картошечка горячая, пирожки!

Тошка постоял, рассматривая входы у вагонов. Проводницы стояли недалеко от них: кто-то разговаривал с пассажирами, кто-то курил. Вдруг он заметил, как одна из них быстро подошла к киоску с водой и чипсами и, наклонившись к окошку, стала там что-то покупать. Оглянулась один раз и снова стала что-то говорить. Тогда Антон, набрав

полную грудь воздуха и стараясь держаться очень уверенно, подошёл к вагону и, подтолкнув Славку, быстро забрался по ступенькам.

- Быстрее проходи в середину, – шепнул он. На секунду задержался возле расписания. «Наш город будет в восемь вечера. Не пропустить бы…»

Это был старенький вагон купе: пыльные, ещё деревянные окна, серая обивка стен... Несколько дверей было закрыто, некоторые купе пустыми, но застеленные постелями, в одном из них слышался раскатистый храп, а в крайнем, возле туалета дверь оказалась не заперта. Оно было пустым, на полках лежали свёрнутые матрасы. Вот удача-то! Тошка прошёл внутрь, подождал, пока войдет Славка, и плотно закрыл за собой дверь.

Они забрались на верхние полки. И так сидели молча, стараясь не двигаться, пока поезд не поехал. Тогда Антон сказал:

- Славка, иди сюда, давай есть картошку!

Малыш не стал заставлять себя ждать. Антон развернул горячий пакет, проглотил слюну. Везёт же им последнее время на еду! Они стали брать её прямо руками, такую теплую, маслянистую, посыпанную укропом, мягкую и тающую во рту... Несколько минут стояла тишина, потом Антон свернул пустой пакет, положил его в мешок с остальным «сухим пайком». Достал бутылку с водой, протянул её Славке.

Перекусив, мальчишки устроились на полке. Антон переложил матрасы на соседнюю, куртку бросили под голову и, устроившись на животы, они стали смотреть в окно. Поезд мчал их к дому...

«Господи, какое бы это было счастье, - добраться без приключений домой! Помоги нам...». Сколько они в пути? Тошка уже не считал. Продержаться бы... Немного осталось... Лишь бы никто не сел в их купе до вечера...

Рука почти прошла. Немного ныло плечо, но не так, как ночью. Горло ещё болело, но голова была уже не такой тяжелой и не горячей. Тошка задумался, заново переживая вчерашний день. Как же им удалось уцелеть?

Слава Богу... Главное, что Славка – целый и невредимый, вот он, лежит рядом, внимательно наблюдает за сменяющимися пейзажами и о чём-то думает...

Славка...

- Что? сразу отозвался малыш.
- Славка... Я всё хотел тебя спросить, где ты так научился? Ну, когда ты взял пистолет?
- Ругаться что ли?
- Да нет... Так вот остановить его...
- Антон, я не знаю. Я как-то не думал... Кажется, ведь это ты мне рассказывал... Помнишь, когда в гаражах на тебя напали? Это, по-моему, все могут... сказал он насуплено.

«Да, но не в шесть лет!». Хотя...

- Славка... Спасибо тебе... Что бы я делал без тебя? сказал Антон и замолчал. Неожиданно перехватило горло.
 - Антон... А что бы я без тебя делал? удивился малыш. У тебя не болит ничего?
 - Нет... отозвался Тошка.
 - Просто я вчера подумал, что в тебя выстрелили...
 - Н-нет...

Мальчишки замолчали. Каждый думал о своем, друг о друге: Антон – о том, как же нелегко пришлось малышу, Славка – о том, что всё хорошо закончилось, и Антон - живой.

- Антон... Я вчера в кармане нашёл тот значок... Помнишь, который мне Костик подарил?

Тошка не помнил. Славка порылся в кармане, разжал кулачок. Да... Как же мог забыть он этот кораблик? И ребят из детского дома, которые им так помогли!

- Антон... А мы напишем им, когда приедем?
- Напишем, Славка...

Интересно, как там Шурка? Тошка позвонит ему, как только приедет. Телефон друга он помнил наизусть.

... Как же хорошо ехать, растянувшись на верхней полке и смотреть, как за окном проносятся деревья. И никуда не идти... Поезд стучит, торопится, время идет медленно, а мысли проносятся так же быстро, как и дорога... Лишь бы не проехать станцию – часов-то нет! Как только начнет темнеть – нужно будет готовиться к выходу...

Антон задремал. Клубок тревоги, сомнений, воспоминаний стал распутываться - перед глазами стали мелькать образы, и он сам не заметил, как заснул. Видимо, усталость брала свое... Ему снилось, как они с Шуркой почему-то в Тошкином городе, бродят по улицам, а улицы — какие-то незнакомые. И Тошка всё не может найти дом, где живёт мама. Страшно, но успокаивает то, что рядом — Шурка. А Славки-то нет! Где он? И они с Шуркой идут искать малыша, и не могут понять, где они — город становится совсем незнакомым. И Тошка чувствует, что где-то его так же ищет малыш и не может найти! ...

- Славка! крикнул во сне Антон, и проснулся.
- Что, Антон?

Нет, он здесь... Братишка! Не спит, смотрит в окошко и в серых глазах его отражаются огни синих сумерек. Тошка облегченно обнял малыша и насторожился. Темнеет! Значит, скоро станция. Или уже была?

- Славка, ты не спал?
- Антон, я уснул ненадолго. Потом проснулся кто-то ходил по коридору и дёргал нашу дверь.

Антон забеспокоился. Прислушался.

- Давно ходили?
- Нет...

Дверь кто-то потянул. Антон похолодел. Замер на секунду, осмотрелся.

- Славка, давай-ка заберемся сюда. Мало ли что... - Антон показал на углубление для матрасов и сумок соединяющее полки, - только осторожнее, не упади.

Славка забрался наверх, улёгся поглубже. Чихнул. Тошка взял куртку и свёрток, быстро залез за малышом. И не зря: дверь ещё раз сильно дёрнули, и в тёмное купе пробилась полоска яркого света.

- И никого здесь нет! – послышался удивленный женский голос. Дверь открылась широко. У Тошки бешено заколотилось сердце. Он перестал дышать.

Проводница, молоденькая девушка, с серебристыми кольцами серёжек в ушах и маленьким хвостиком белых волос, торчавших из-под синей шапочки, рассеяно окинула взглядом купе, посмотрела на матрасы на верхней полке, села за стол, достала из кармана какую-то бумажку, посмотрела в неё.

- Так, двое человек сюда садятся... На нижние... Хорошо...

Затренькала приятная мелодия. Девушка вынула из кармана телефон.

- Алло! Да, мама. Да еду. Сейчас пассажиров буду сажать... Да... Мам, не беспокойся, всего пару дней и я - дома... Всё нормально, справляюсь... Ты как?.. Что? Да, встречаемся... Да... Нет, не приставал, что ты! Что ты выдумываешь, мама?...Нет... Мам, хватит меня женить, я сама разберусь!... Не обижайся!... Да, я скучаю. Приеду — всё расскажу!... Как здоровье у тебя?... Что?... Ну хорошо... Ладно, мам, сейчас станция, я тебе ещё позвоню...

Девушка выключила на телефон, ещё раз что-то глянула в бумажки и вышла из купе, не посмотрев в сторону мальчишек.

Антон выдохнул.

- Славка, давай быстрее. Сейчас станция, будут пассажиры...

Поезд замедлял ход. За окном мелькали яркие огни. Антон выбрался из закутка, спрыгнул на пол. Подхватил Славку, опустил его на землю. Выглянул из купе: проводница стояла на другом конце вагона, возле бака с кипятком. Через два окна, в середине вагона стоял мужчина. Ну и пусть... Он взял Славку за руку, вышел из купе и мимо туалета прошёл в тамбур.

Медленно заскрипели тормоза. Тошка в маленькое окошко увидел, как открылась дверь соседнего вагона, вышла проводница. Услышал, как поднимаясь, скрипнула подножка, строгий голос:

- Стоянка восемь минут. Не отходите далеко.

Увидел, как один за другим выходят пассажиры. Не спеша сосчитал до ста двадцати, потянул нетерпеливо сопевшего Славку:

- Идём.

... Поезд дал гудок и начал набирать ход. Платформа опустела, осталось лишь несколько человек, провожающих... И один из них заметил, как двое мальчишек выглянули из-за киоска, спрыгнули с платформы и, перейдя рельсы, стали пролезать под стоявшем на соседнем пути товарным поездом. «Странно», - удивился человек. И, пожав плечами, не придал этому никакого значения... Мысли его были там, в уютном стареньком вагоне, где он сегодня оставил свою любимую...

... Всё-таки они ошиблись. Точнее Тошка ошибся. Место было не знакомое. У них в городе вокзал белый, двухэтажный, и переход под землёй, а не переходным мостом, как здесь... И по ту сторону вокзала – дорога, и дома, а не лес, как здесь... Они проехали, или не доехали до своего города...

Как же он не придал значение словам проводницы, которая сказала, что стоянка восемь минут? В расписании, напротив его станции было указано время – полчаса! Хотя, сейчас поезда так ездят, особенно пассажирские, что из-за опозданий могут и сократить стоянку... Но ведь не мог же за год так измениться его город!...

Нужно дождаться утра... Всё равно в темноте трудно что-то решать, и, одиноко блуждая по платформам, можно привлечь к себе внимание...

Глава 22.

Молитва матери.

Они втроём сидели за деревянным столом, покрытым потёртой скатертью. Молчали. В тишине было слышно, как Коля разливает по бокалам шипящее пиво. И даже, когда бокалы были наполнены, стояло молчание. Борис решился его нарушить:

- Так, значит, ты говоришь, что Антон задержал маньяка-убийцу? - Он сидел, опираясь руками о стол, неосознанно сжимая и разжимая кулаки. Жилы вздулись на худых

волосатых руках. На лоб, на котором выступали две продолговатых морщины, опускались взлохмаченные седые волосы. Голубые, точнее, синие, такие же, как у сына глаза излучали не просто печаль - море печали. И тревоги. Усталость тёмным отпечатком, опавшими щеками, смотревшими вниз уголками губ, изгибом бровей, лежала на его лице. Те, кто видели его в последней экспедиции, не узнали бы сейчас, они бы подумали, что увидели его в будущем.

За этот день впервые он сел поесть. Потому что, дозвонившись Валерию, он попрощался с Шуркой, и поехал обратно в Москву, чтобы успеть на поезд. И ночью уже был в доме у Синипына.

- Ну не совсем Антон, и не совсем задержал... - поправил его Коля. Тёмные вспыльчивые глаза его сейчас не выражали никаких эмоций. Он очень измучился за этот день. Полночи он ходил под дверью у мальчишек, прислушиваясь. Потом, когда уже стал засыпать стоя, ушёл на кухню, оставив открытой дверь и, опершись руками о стол и положив на них голову, ненадолго задремал. А проснувшись и заглянув в комнату, где спали ребята — не обнаружил их.

Тогда он сел за руль и поехал в город. Потом домой. Потом с Валерой они снова поехали в город, заехали в отделение, дали ориентировку. Оттуда - на вокзал. С вокзала они отправились к Толе, узнать, как у него дела. Дела были не очень, лесник все ещё был без сознания, но врачи сказали, что он должен поправиться.... Потом...Потом они заехали ещё в два соседних поселка. И всё – без результатов... Потом долго возвращались на вокзал, нужно было встретить отца сбежавшего мальчишки. Встретив Бориса, поняли, что ему нужна поддержка. В виде пива, еды и хороших товарищей...

- Боря, - позвал его Валера, - вернись сюда, к нам, из своих дум! Найдётся твой сын! - Несмотря на бодрый тон, он был расстроен. Потому как то, что он узнал от Коли, встревожило его. Хотя конечно, радовало, что Антон не погиб, а значит – есть возможность его найти... А ещё он очень соскучился по сыну Сашке. Не хватало его тонких ручек, задумчивых зелёных глаз и радостного голоска: «Папка!». Да и поговорить с ним хотелось о его упрямом друге...

Задумавшись, он лохматил густую шевелюру рыжих волос. Коричнево-рыжие глаза его то вспыхивали в какой-то догадке, то вновь погасали в усталости и сомнениях. Так бывает, когда человек что-то долго ищет, что-то очень долго ждёт и в длительном

ожидании боится потерять, погасить последнюю искорку надежды. Однако не было в них безысходности, они излучали какой-то особенный свет, зажигая веру в остальных. Как и должно было быть у человека, потерявшего и вновь нашедшего дорогое - то, что не купишь ни за какие деньги и то, что наполняет нашу жизнь особенным смыслом: любовь близкого человека и умение любить.

Коля только что второй раз рассказал о мальчишках. Валера, внимательно наблюдавший за отцом Антона, заметил, как сначала лицо его вспыхнуло радостью, недоверием, а потом потемнело под гнётом тревоги и только что услышанного рассказа.

Что делает большая часть мужчин в нашей стране, будучи не в силах справиться с информацией? То, что и делали сейчас Коля, Валерий и Борис, собравшись за столом в небольшой кухоньке, с чернеющим окошком, занавешенным белыми занавесками, с яркой лампочкой, освещающей бывший когда-то белым, запыленный, абажур. За окном, делая отчетливей тишину, трещали сверчки. В открытую форточку летели на свет бабочки и мелкая мошка... Нужно было немного собраться с остатками мыслей... Нужно было решать, что делать дальше... Нужно было хоть как-то расшевелить Бориса...

- А что это за мальчик был с ним? спросил тот.
- Вот это загадка, вздохнул Валера, никто не знает кто он и откуда...
- Но парень отчаянный, задумчиво произнес Коля. Мелкий, а с характером. И Антона очень любит. Прибежал ведь, позвал нас... И потом не отходил от него ни на шаг. Я чуть ли ни силой заставил его поесть, хотя видно было, что он голодный. Я сперва подумал, что это его брат...
- Нашёл себе Тошка брата... грустно сказал Боря, как он мечтал о нём!... Измучает мальчишку и себя... Ребят, я конечно не работал в милиции и многого не знаю... Но я в жизни видел всякое. И знаете, страшно мне за них...
- Борь, завтра поедем вдоль железной дороги. Мы сегодня дали вызовы по всем станциям. Их должны где-то прихватить...
- Вот их-то прихватят, а если он опять сбежит? Он ведь не знает, что отец здесь. Он боится попасть в интернат... тихо сказал Валера...

- Хорошо ещё если прихватят... Если они не сгинут где-нибудь по дороге... Антон вчера даже сидеть не мог, - грустно сказал Коля.

Снова наступило молчание. И в этом молчании отрывисто зазвонил телефон в кармане у Бориса. Удивительно, как же вдруг, вклиниваясь в разговор или отвлекая нас от невесёлых мыслей, пытается проникнуть кто-то в наше пространство...

«Кто это? – рассеянно подумал Борис, - кому ещё я нужен здесь? А, ну конечно, это Оля, ну кто же ещё...»

Боря снял трубку, и все услышали в динамике сердитый, встревоженный, напряжённый и громкий женский голос:

- Боря, ты молчишь, я выехала в Москву. Я обо всём договорилась! Меня отпускают. Я поеду сразу домой, может быть, Тошка рванул туда! Боря, я буду ждать его там. Вдруг он всё-таки жив... Я не могу здесь работать... Боря, я буду очень ждать твоего звонка, если ты что-то узнаешь о нём! Боря слышишь?
 - Да, хрипло сказал Борис, да, Оля. Я позвоню...

В трубке раздались короткие гудки.

- Ну вот... - он посмотрел по очереди на мужчин, - ну, вот что мне ей говорить?

... Она проснулась утром, когда яркие лучи солнца упали на её постель. Открыла глаза, окинула взглядом комнату. Сразу встревожила тишина, по которой она сразу догадалась, что мужа нет... «Где же он?» - сонно подумала она.

Глаза почему-то плохо открывались и были очень распухшими: что бы это могло быть? Она плакала, из-за чего? Несколько минут Оля лежала, вспоминая, что же произошло вчера... Боря... Поездка... Кофе... Письмо... Антон! Молнией тревоги пронзило сонные мысли воспоминание, осветив весь ужас потери.

Она сразу проснулась, быстро села на кровати. «Где муж?» - подумала она и посмотрела на телефон. Увидела там два сообщения от Бори, спешно открыла их:

«Оленька, прости, я не успел попрощаться с тобой. Взял билеты на утренний рейс, вылетаю в Россию. Поеду сначала в интернат, потом к Валерию прояснять ситуацию. Позвоню, когда что-нибудь узнаю…»

И второе:

«Я обо всём договорился. Ты едешь с ребятами, нужно закончить дело. Не тревожься сильно, ты всё равно ничего сейчас не сможешь сделать, а подводить людей не нужно»

Спасибо, любимый... Поддержал, мягко говоря... Оля вытерла намокшие ресницы... Что же делать? Страшная новость не давала ей покоя, неизвестность затягивала в гущу переживаний и страха. Нет, нельзя отчаиваться... Нужно что-то делать... Но что? Куда бежать? Кого просить? Кто, кто может сказать, где находится её сын? Хоть что-нибудь о нём? Кто в этом мире может помочь?!

Мысли блуждали не находя ответа. Люди не могут найти... Никто не может найти... Но кто-то же должен знать... Кого просить?!

Оля теребила кружевной воротник сорочки, машинально, сама не замечая этого. Неожиданно, пальцы её нащупали что-то маленькое, твёрдое и острое... Она также машинально взглянула... Господи...

«Как же я могла забыть про Тебя?! Ведь Тошка, мы же с ним ходили в храм иногда... Сыночку так нравилось зажигать свечки, когда он был маленький... А потом – он ведь просил научить его молиться, он не знал как...».

Вот Кто может знать, где сейчас её сын. Потому что Он ведает над всеми – и над живыми и мёртвыми... Как, как она могла забыть о Нём?

- Господи... - прошептала она, глотая горячие слёзы, глядя на маленький образ распятого Спасителя, - Господи... Ты знаешь всё, ты хранишь всех людей, скажи мне, где мой сын? Мой сын, мой Тошка, Антон?... Прости меня, Господи, я же совсем забыла Тебя!... И, забыв Тебя, забыла сына... Пожалуйста, не оставляй меня... Пожалуйста!

Она встала, наклонилась к своему рюкзаку с вещами, порывшись, вынула оттуда небольшую зелёную записную книжку. Пролистав её, достала оттуда маленькую икону: там Богородица держала, нежно прижимая к себе, своего маленького Сына... А Он, прижавшись к ней щечкой, смотрел Ей в глаза и словно спрашивал о чем-то... Сын...

- Матерь Божия... Ты знаешь, что такое быть Мамой... Ты так любишь своего Сына... Ты – Мать всех людей на Земле...Пожалуйста, помоги мне... Помоги моему сыну... Сохрани его...

Она не знала молитв. Как-то в храме, бросился её в глаза маленький молитвослов с названием «Молитвы о детях». Но у неё, кажется, тогда не было с собой денег, и она его не купила... Хотя там были такие хорошие слова – сама так сказать она не смогла бы...

Она смотрела на образ. Молчала, лишь сердце, измученное заплаканное сердце тихо молилось, а разум только и мог шептать: «Помоги»... Несколько крупных капель упало на икону... Она поспешно их вытерла холодными пальцами, и снова стала просить... Богородица смотрела на неё и словно успокаивала своими добрыми ласковыми глазами...

Слёзы стихали. В сердце, словно умытом ими, черная буря тоски стала светлеть. Будто кто-то зажёг внутри маленький фонарь — маячок... Было грустно, но уже не так беспросветно, как раньше...

Мысли вставали на свои места. «Так, нужно поесть... Экспедиция вечером... Нужно собрать остатки вещей... Положить денег на телефон... Позвонить Боре...». Так не хочется выходить на улицу! Да и вообще никуда не хочется... Какая поездка?! Её мысли сейчас были там, в бескрайней глади лесов, изрезанной серпантинами дорог, в Тошкином интернате... В маленьком родном городке...

В городке! В её доме, в уютной квартирке, бедно обставленной, но до щемящей боли такой родной и нужной ей... Стоп!

Ей, и Антону! Как он плакал, когда они уезжали из дома! Как он любил эту квартиру... Сколько раз он спрашивал её: «Мама, когда мы поедем домой?!»

- Господи... - снова прошептала она, - помоги мне найти сына... Не оставь его! Я не отдам, никому его больше не отдам! О, как же я была не права!!!

Теперь она всё делала быстро. Домой! Почему ей сразу не пришла на ум эта мысль: Антошка сбежал домой! А куда ему ещё бежать в этой огромной стране?

... За полчаса номер был убран, ключ сдан, и Оля, перекусив мюслями с молоком и запив их горячей водой, накинув на плече свой походный рюкзак, быстро шагала по оживленным улочкам, на ходу доедая шоколадку. Только бы руководитель группы

отпустил её! Только бы были билеты на самолёт! Только бы успеть, если конечно ещё можно успеть... «Тошка, - стучало в ей голове, - Тошка, миленький, держись... Господи, помоги нам... И тем, кто сейчас ищет своих детей, и тем, кто остался один в большом неустроенном мире...»

... А через полдня волнений, суеты, разговоров, молитв, она уже ехала в поезде «Москва - Нижневартовск», лежа на кровати и глядя, как проносится за окном это тревожное лето. «Нужно позвонить Боре... - думала она, - и поесть...». Дотянулась до кармана джинсов, вынула оттуда телефон, отыскала номер мужа. «Если он ещё не поменял его... Ну, раз не звонил — значит — не менял...». Так и есть, через несколько протяжных гудков раздался в трубке усталый и такой дорогой сердцу голос мужа:

- Алло, Оля!

Она вдохнула побольше воздуха и быстро проговорила, боясь, что сейчас он будет ругаться, и они поссорятся...

- Боря, ты молчишь, я выехала в Москву. Я обо всём договорилась! Меня отпускают. Я поеду сразу домой, может быть, Тошка рванул туда! Боря, я буду ждать его там. Вдруг он всё-таки жив... Я не могу здесь работать! Боря, я буду очень ждать твоего звонка, если ты что-то узнаешь о нём! Боря слышишь?

Нет, он не стал ругаться... Лишь только устало сказал:

- Да, Оля, я позвоню...

Нервы у неё были напряжены, и она молча повесила трубку...

... Дом. Вот оно, такое родное окошко на втором этаже пятиэтажной «хрущевки». Сколько она не была здесь? Она не помнила. Окна словно отбрасывали тень покинутого жилища... Она нетерпеливо потянула железную дверь... Такие родные низкие ступеньки, пыльные подоконники... И даже сломанные почтовые ящики, которые раньше так раздражали её, теперь успокаивали.

Ничто так не успокаивает заблудившееся, забывшее себя сердце, как постоянство места, где ты живёшь. Время идет, мы меняемся, меняется наше окружение, наши мысли, меняется даже наш характер, но вот ты возвращаешься на свою родину, на тот кусочек земли, где ты вырос – и видишь, что всё осталось прежним... Да, нет теперь той детской

площадки, на которой ты играл со своими школьными товарищами, и тот дуб, который некогда казался тебе таким огромным – теперь всего лишь невысокое дерево... И двор стал поменьше, и ступеньки в подъезд другие... Но тот же дом, те же потемневшие от времени стены хранят отпечатки твоих детских ладошек, та же трава... Тот же воздух... Те же лавочки, только новые и покрашенные, на которых так же мирно и громко переговариваются бабушки в таких же застиранных ситцевых халатиках... И твоя квартира хранит ещё память о детских и юношеских твоих годах, и, напоминая о них, помогает тебе вспомнить себя... Дом на месте – и твоя душа успокаивается, и внутри, сквозь хаос изменений, невидимой опорой сквозит спокойствие.

Может быть, стабильность – и есть то ощущение, которого нам так не хватает в постоянно меняющемся пространстве? Ощущение, помогающее нам твёрдо стоять на ногах и увереннее чувствовать себя в суете беспокойных мыслей... И от нехватки его – куча проблем современного городского общества, которое в поисках себя и становлении себя в нём, потеряло постоянное место обитания, чувство надёжности и несокрушимости дома. Дерево, пустившее свои корни в землю, погибает, если его срубить, а человек - мечется и не может успокоиться, отыскивая всё новые источники удовольствия, позволяющие ему забыть гнетущее ощущение потерянности...

Мягко повернулся ключ в замке родной коричневой двери. Оля вошла в квартиру, зажгла свет, и, закрыв дверь, прислонилась к ней. Несколько минут просто стояла, вдыхая такой забытый воздух деревянных полов, пыли, соседских пирожков, стареньких оконных рам, мягкого ковра на полу: воздух своего дома... И устало оглядывала пустые комнаты... За окном ветер шуршал листьями тополя, а здесь было тихо...

Она сбросила рюкзак, не наклоняясь, сняла кроссовки. Осторожно ступая, боясь потревожить тишину, прошла по отозвавшемуся скрипом полу. Непривычно было после еврогостиниц видеть нехитрое убранство своего жилища: оно напоминало о том времени, когда не хотелось лишний раз идти в магазин, о том времени, когда покупка всего того, что относится не к категории «еды» тщательно взвешивалось, и откладывалось за отсутствием средств, о том, когда стоя у прилавка она тратила кучу времени, сравнивая цены на продукты... И строго ругала себя за каждую, как ей казалось, не туда потраченную копейку... Но...Оно напоминало ей и о тех днях, когда она с замирающей радостью прислушивалась к возне за стенкой и заливистому смеху двух любимых голосов отца и сына, о тех днях, когда по вечерам сынок обнимал её своими крохотными ручками

и нежно целовал... О том, когда серой унылой осенью они вдвоём стояли у окна, поджидая папу с работы... О глупых ссорах из-за мелочей, возникающих в напряженной атмосфере безысходности... И о хрупком мире после примирения... И о тех редких деньках, когда они гуляли с мужем и слушали весёлый говорок подрастающего сына... О времени ожидания, времени перемен и расставаний...

Память... Удивительное свойство человеческого мозга, позволяющее нам вернуться в прошлое... Порою оно вредит нам, вырывая из реальности, порою – утешает, порой – вдохновляет, заставляя вновь и вновь переживать волнующие моменты жизни... Но в мелькании воспоминаний, погружаясь в их волны, ты рискуешь потерять настоящее. Почему же мы так любим прошлое? Что хотим мы найти там, возвращаясь в те дни, которых уже никогда не будет?

Или в памяти важны не события, не лица, а ощущение себя? То направление души, которое сопровождало тебя в эти моменты... Те мечты, быть может – нехитрые радости, та вера... Не это ли ищем мы, вспоминая отрывки киноленты жизни? И хотим изобрести машину времени... Может быть для того, чтобы найти себя?

...Фыркнула в кране прохладная струя воды. Она долго умывалась от слёз, от дороги, от пыли, от тяготивших её взглядов... Потом протёрла пыль в комнатах, помыла полы... Машинально, стараясь ни о чём не думать: каждая вещь здесь, каждый уголок напоминал ей о сыне... Она приготовила постель в его комнате: мало ли... Ведь пока нет никаких известий, вероятность того, что он погиб, равна вероятности того, что он жив... А вдруг, вдруг случится чудо! Об этом знает лишь один Бог, и с каждой появляющейся мыслью о сыне, она молилась... Незаметно прислушиваясь... Поглядывая на телефон... Ох, куда же деться от этих мыслей?

Нужно позвонить Боре. Может быть, ему хоть что-нибудь удалось узнать... Только сначала нужно немножко перекусить, или хотя бы выпить чаю... Оля присела на стул, откинулась на спинку. И задумалась...

... С вокзала она пошла пешком, внимательно поглядывая на попадавшихся ей по пути ребят. Нескольких даже расспросила... Никто ничего не слышал об Антоне. Знакомые улицы напоминали ей о сыне, мало того — она робко надеялась его увидеть... Она зашла в магазин, купила продуктов. «Тошка... Тошка, - билось её сердце в такт шагам, - где же ты? Я здесь... Я жду тебя...».

Измаявшись от переживаний, она облокотилась о стол, закрыла глаза. Разум молчал. Сердце молило Бога. Того, Кто бережно хранит человека всю его жизнь...

Глава 23.

Легенда о Большой Медведице.

Сашка перебирал тетрадки в своих «учебных ящиках». Откладывал их в три стопки: убрать, выбросить, подумать... Больше всего почему-то набиралось тетрадок в средней стопке... Отложив альбом с рисованием, он вдруг увидел незнакомую тетрадь в зелёной обложке. Что это? Он откинул корочку, увидел торопливый и такой знакомый почерк: « Тетрадь по литературе ученика пятого класса «Б» Ветеркова Антона Борисовича...». Ой... Тошкина тетрадь, как она попала сюда? Удивительно, но приятно, - хоть какая-то память о друге...

Папа всё не звонит... Значит, тот мальчик, про которого он говорил, был не Антон? Или что-то случилось?.. Чтобы отвлечься от переживаний, он стал читать записи в тетради. Несколько сочинений, какие-то записи с уроков... Схемы богов из греческих мифов... Так, а это что?

Под длинным сочинением красным изгибом стояла жирная двойка. И сердитая подпись: «Не по теме! Не выучил урок!». Саша пробежал глазами по неровным корявым строчкам. Моргнул. Решил перечитать.

«Сочинение. На тему: Легенда о Большой Медведице.

Если ясной ночью выйти из дома, подальше от фонарей и жёлтых окошек, то в синем небе можно увидеть ковш из семи звёзд. Это созвездие Большой медведицы, и на самом деле — это вовсе не ковш, а медведь. Рядом с ним можно увидеть маленький ковшик, а если присмотреться и соединить едва заметные глазу звёздочки по контуру, то рядом будет маленький мишка. Откуда медведи в бездонном небе?

Есть такая легенда. В древности, когда не было ещё больших городов, в дремучемдремучем лесу жила большая сильная медведица. У неё было много медвежат, но все они выросли и были самостоятельными и тоже сильными. А один был совсем маленький и ещё питался её молоком и никуда не отходил от неё. Медведица тоже любила сына и всегда была рядом. День за днём подрастал малыш, резвился возле мамы. Но однажды бродил по лесу усталый охотник. Он не добыл никакой дичи, был очень усталый, голодный и злой. Грустно шёл он по тёмному лесу, как вдруг на тропинке увидел медведицу. Тогда поднял своё ружьё и застрелил её. А маленький медвежонок долго ждал свою сильную маму и никак не мог дождаться. Тогда он решил найти её. Он покинул свою берлогу и долго шёл, спрашивая у всех зверей, у старых деревьев, у птиц и насекомых, не видели ли они его мамы. Никто не знал, где она. А медвежонок устал. Он хотел есть. Он плакал, потому что он был совсем один. Он прошёл весь лес, и, наконец, вышел к большому обрыву. В ночной темноте сияли яркие звёзды, и в них он увидел свою маму – медведицу! Она сидела в небе, возле светлой пелены Млечного пути. «Вот, куда она ушла!» - подумал он и направился прямо к ней. Он долго шёл, пока, наконец, сам не превратился в звёзды и не оказался рядом с мамой. Больше он не плакал.

Если очень внимательно прислушаться ночью, то можно услышать, как мама — медведица успокаивает своего маленького сына...»

И за это Тошка получил двойку?! Сашка грустно покачал головой... «И даже в сочинениях он ждал свою маму... Он ведь и был – этим маленьким медвежонком...». Хотя почему – был? Нет, Антон не может погибнуть, ну такого просто не может быть! Где же он? Нужно позвонить папе... Нашёл же он его, Сашку, а значит и Антона найдёт!...

- Мама! – позвал он, - мам, позвони папе! Может хоть тебе он что-нибудь скажет! Я ему, наверное, надоел уже...

- ... Небо затянули тучи. Звёзд было не видно. Тошка уселся на землю, обнял Славку.
- Спи! Завтра нам ещё целый день идти!

То расстояние, которое проедет поезд за час – ребятам идти два или три дня... Главное – не отходить далеко от рельсов. Плохо, что еды осталось совсем мало...

Они проехали свой город. Это он понял, дождавшись утра и посмотрев на табличку с названием станции. В расписании он видел её следующей за своей... Надо же так, а? Как не вовремя он тогда уснул!

Славка не хотел спать. Он улегся головой на Тошкины колени, пристально смотрел на него и молчал, о чем-то думая и не решаясь спросить.

- Славик, ты чего?
- Антон... А помнишь, ты обещал мне рассказать легенду про Большую Медведицу? Ты еще засмеялся, когда я сказал про маму и Умку?
 - Да, помню, отозвался Антон, но сейчас ведь нет звёзд...
 - Ну и что, еле слышно сказал малыш, расскажи, а?
- Ну, слушай... Их много, этих легенд. Нам рассказывали на уроке литературы, но там было про каких-то богов греческих, я плохо запомнил... Точнее не запомнил совсем... И придумал свою.

Славка выжидательно сопел. Тошка помолчал немного и начал рассказывать:

- В древности, когда не было ещё больших городов, в дремучем лесу жила большая сильная медведица...

... Следующие два дня Антон помнил плохо. В памяти остались бесконечные гладкие рельсы... Грохот спешащих поездов... Отчаянная боль в ногах... Лопнувшие пятки, на которые невозможно ступить... И постоянное, несмолкаемое чувство голода. Оно забирало последние силы, сопровождало каждую его мысль, кружило голову... Еда закончилась: последнее печенье и сыр он отдал Славке, а сам подкрепился остатками шоколада. Хорошо, что немного осталось воды.

Добрую половину пути он тащил Славку на закорках, потому что малыш шёл всё медленнее, и невольно тянул Антона назад. А Тошка боялся, что тот снова упадет в обморок. Отдохнув на руках, Славка шёл некоторое время сам, потом Антон вновь сажал его на спину.

Серая пелена облаков затянула всё небо. Солнца не было давно. Антон потерял счёт времени: оно нескончаемо тянулось, так же как тонкие блестящие рельсы. Лишь когда стемнело - стало понятно, что наступил вечер, и Антон в изнеможении опустился на

землю, прижав к себе Славку, и не говоря ни слова закрыл глаза. Он боялся не проснуться. Поэтому, помолчав, попросил Славку:

- Славка, если ты проснешься раньше – буди меня! Идти осталось немного...

Малыш ни о чем не спрашивал. По его серым тревожным глазам Антон догадывался, что он волнуется за него. Но Славка молчал, слушался, и в этом чувствовалось его доверие. Утром он разбудил Антона, осторожно поглаживая его по волосам:

- Антон... Антон... Тошка... Просыпайся! Нам нужно идти! Тошка...

Как не проснуться, когда рядом вот так вот ласково шепчет малыш?

В сумерках они подошли к городу. Антон издали увидел его и почувствовал, какими медленными и сильными стали толчки в груди. Накрапывал мелкий дождь. Антон одел Славке куртку, обул шлёпанцы....

Чем ближе подходили они к городу, тем меньше оставалось сил у Антона. Он решил не доходить до вокзала, а свернул сразу в город. Оставалось пройти несколько кварталов. Дорогу домой он помнил — сколько раз он гулял здесь с мамой! Здесь он знал каждый кирпичек, каждую улочку: эти дома строили немецкие военнопленные, здесь — за аккуратным палисадником есть заросший травой и кустарником пустырь, вот магазин «спорт», в котором есть не только спортивные товары, но и шампуни, и музыкальные инструменты, в этом доме — когда—то давно маленький Тошка увидел пожар... Вот по этому широкому тротуару он впервые ехал на двухколесном велосипеде! А вон за тем домом, есть детский садик, в котором было так здорово играть в казаков — разбойников... Неужели это его город? Антон боялся в это поверить... Слишком долго он мечтал вернуться сюда...

Он медленно брёл по родным улицам, мельком замечая небольшие перемены. Воспоминания клубились в нём, заставляя всё сильнее колотиться в груди сердце... От этого он несколько раз останавливался и почему-то тяжело дышал. Славка сжимал его за руку, взволнованно подняв мокрое личико из-под большого капюшона. Было уже совсем темно, фонари освещали косые струи дождя. Мелкие брызги разноцветными искрами блестели на дрожащих от ветра проводах.

Нужно было перейти дорогу, Антон отыскал переход... Медленно стал спускаться по ступенькам... Вдруг, рассеянное его внимания привлекла скорченная под дождём

маленькая фигурка. Тошка насторожился, приблизился к ней: это была маленькая худенькая девочка. Она сидела на бетонных ступеньках, низко опустив голову. Мокрые пряди русых волос свешивались на тонкую, промокшую ветровку. Рядом с ней стояла картонная коробка, на которой чернели крупные буквы: «помогите, заболела мама...».

Антон остановился. Наклонился к Славке, зашарил в карманах куртки. Нашёл две последние смятые бумажки, опустил их в коробку. Девочка подняла глаза, и Антон встретился с печальным благодарным взглядом. На осунувшемся лице, усыпанным рыжими брызгами веснушек, виднелись серые разводы от слёз.

- Как тебя зовут? спросил он.
- Оля, прошептала девочка, спасибо вам...
- «Как маму!» вздрогнул Антон.
- Оля, пусть твоя мама поправляется! Ты держись... Ты спрячься от дождя-то!

Девочка молча кивнула и медленно поднялась со ступеней. Тошка посмотрел, как она спустилась и прислонилась к стене, опустив на землю коробку.

Дальше... Дальше - как во сне... Пустынные мокрые улицы. Унылый свет фонарей - молчаливых наблюдателей ночной жизни. Шуршание мокрых колес одиноких автомобилей... Почерневшие деревья... Голова кружится так, что Антошке приходиться останавливаться чуть ли не через шаг. Желудок превратился в высушенный комок боли... Упасть не дает лишь твёрдая горячая ладошка Славки... Не пройти бы дом...

- Славка, на всякий случай: улица Гагарина, дом пятьдесят, квартира семьдесят восемь. Маму зовут Оля. Папу – Борис... И смотри, чтобы я не пропустил...

Нет, он не прошёл мимо. Вот он, большой магазин, за которым - его дом.

Почему же так выскакивает сердце? Из-за этого он совсем не может идти...

- Славка, сейчас, - Антон прислонился к железной ограде. Закусил губу. Отдышался, посмотрел в конец дома... Нет, отсюда ещё не видно, горит ли свет в угловом окошке на втором этаже.

Почему улица такая длинная? Странно, теперь уже не он, уже Славка тянет его за руку... Вот он, последний подъезд. Его подъезд... Антон поднял голову и пошатнулся: окошко неярко светилось. Может быть, ему показалось?

- Славка, посмотри, свет горит? На втором этаже, справа?
- Да! Да, Антон!

Такая тяжёлая дверь... Ещё и ступеньки. Лампочки не работают, так непривычно...Ой, не упасть бы — Тошка вцепился одной рукой в перила, другой ухватился за малыша... В полумраке на коричневой двери серебристые цифры: семь и восемь... Тошка задержал дыхание и стукнул в дверь... Тишина.

Не может быть, они же видели в окне свет! Уже в тумане он услышал, как забарабанил по двери Славка...

Торопливые шаги за дверью, такой яркий свет, чьи-то тёплые руки прижимают его к себе...

- Мама!!! Мамочка! Мама...

Среди миров бесчисленных галактик, неспешно двигая ту невидимую материю, которая называется временем, вращается одна – небольшая, по сравнению с другими, но просто громадная – для крохотного существа. В этой удивительной спирали, которую люди планеты Земля назвали галактикой Млечный путь, не в середине и не с самого края спешит куда-то в звёздной пыли космического пространства маленькая планета. Планета, окутанная синими океанами, островами суши, пестрящая самой разнообразной растительностью и живностью; планета, удивительно меняющая времена года, планета населённая миллиардами человек. Загадочных, непредсказуемых, удивительных живых существ, которые не просто развиваются в потоке времени, но пытаются изменить мир. Существ, которые не знают покоя, творят и разрушают, и которым мало всего: мало самих себя, мало планеты, мало галактики... Им мало вечности – они ищут её конец...

Над огромной страной этой планеты идёт дождь... Над огромной страной – пелена ночи... В этой пелене, в бесконечном море лесов, среди мирных полей, среди извилистых серых дорог, среди маленьких и больших городов, среди заброшенных деревень, есть

миллионы галактик — миллионы людей... Каждый из них: надеется, верит, ищет себя, бьется над разгадкой тайны бытия, мечтает; ненавидит или учится любить, живёт или переживает, молится или созерцает; каждый из них сейчас, быть может, плачет, ругается, смеётся, смотрит телевизор или пьет пиво, читает книгу, быть может - сидит за монитором или спит...

Мы не знаем, что делают сейчас эти миллионы... Но можем сказать, что среди них есть один человек, который сейчас точно не спит, вглядываясь с тоской в всеобъемлющее ночное небо. Ища разгадку, зацепку, ответ в бездонном просторе... Мысли его крутятся, не давая уснуть. Морщины несколькими дорожками покрыли лоб, седые волосы — взъерошены, ноги устали от ходьбы и безуспешных поисков. Он забыл про голод, он не замечает дождя. Неизвестность раскрыла над ним свою пасть, поглощающую остатки надежды и кипевших внутри чувств... Отчаяние — накрывает с головой, словно волна. Ещё немного - и пропасть тоски поглотит его, задув слабое дыхание радости жизни...

Но вдруг – тишину разрывает телефонный звонок. Чёрная дыра отступает, затаившись рядом. Человек не ждёт, он хватает телефон, едва не уронив его. Сердце его сначала замирает в надежде, а потом взрывается, быстрым стуком поторапливая ответ. Кажется, что вся эта ночь: монотонный дождь, затянутое облаками небо, мокрые деревья и даже далёкие звёзды застыли в ожидании: треснет ли тонкая веточка жизни над бездной равнодушного мира, или выдержит оттого, что найдётся существо, которое протянет отчаявшемуся руку помощи?

Страх неизвестности растворяет тихий взволнованный голос в телефонной трубке:

- Алло... Алло, Боря? Боря... Антон нашёлся... Живой... Боря, ты слышишь?
- Да, Оля... сипло отвечает человек и хватает трубку обеими руками, Оля!

Этот крик радостно наполняет ночное пространство. Кажется, будто его слышит весь мир, хотя на самом деле это крик слышит только она и Бог - Творец и Гармония всех миров:

- Оля! Оленька... Родная! Береги его!!!